

7. Робота церковних і світських ЗМІ з відродження моральності, захисту прав і свобод людини, свободи совісті і релігійних праві, по зміцнення громадянського суспільства.

9. Сприяння толерантності, взаєморозумінню та співробітництву між людьми.

10. Служіння милосердя й доброчинності.

11. Діяльність по збереженню навколишнього середовища.

12. Економічна діяльність, що відповідає інтересам Церкви, держави і суспільства.

13. Протидія екстремістським структурам, що представляють небезпеку для особистості і суспільства.

*К.Дьюрем**

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Религиозно мотивированный терроризм.

В начале отдельно рассмотрим одно обстоятельство. В дни, последовавшие за событиями 11 сентября 2001 г., многие поспешно заявляли, что террористическая деятельность не имеет никакого отношения к религии и на самом деле является ее противоположностью. Конечно, большинство из нас, если не все, разделяют мнение, что терроризм несовместим с верованиями основных религий мира, и что террор во имя религии является одним из наихудших злоупотреблений религией. Государственные лидеры совершенно справедливо подчеркивали, что ответ на терроризм не является атакой против ислама. Случаи насилия против мусульман в США заслуженно вызвали самую жесткую критику. Признав обоснованность этих утверждений, важно, однако, чтобы нравственное негодование не затмило наше видение реальности. Религиозные убеждения тех, кто осуществил теракты 11 сентября, вероятно, не были приемлемыми или общепринятыми, но трудно отрицать религиозную мотивацию их действий. Неспособность или нежелание серьезно отнестись к столь заведомо извращенным религиозным убеждениям террористов может привести к контрпродуктивной реакции на их действия.

За последнее десятилетие стало вполне очевидно, что государства, недооценившие роль религиозных убеждений в действиях тех, кто осуществлял религиозно мотивированное насилие или угрожал им, могут усугубить проблему. Столкновения, которое произошло несколько лет назад в комплексе помещений последователей движения «Ветвь Давидова», можно было избежать, если бы государственные служащие были более чувствительны к особенностям религиозного восприятия во взрывоопасной ситуации.

Антитеррористические меры требуют соблюдения прав человека.

Имея это в виду, давайте обратимся к международной реакции против терроризма. Это не новая тема. За последние 40 лет вступило в силу немало конвенций и протоколов, направленных против угрозы терроризма. Эти документы были посвящены следующим вопросам - борьба с финансированием терроризма, предотвращение террористических взрывов, маркирование пластиковых взрывных устройств с целью их обнаружения, подавление незаконных действий, направленных против безопасности морской навигации, подавление незаконных актов, направленных против безопасности неподвижных платформ, расположенных на континентальном шельфе, борьба против незаконных актов насилия в аэропортах,

* Профессор права, школа права им. Дж. Рубена Кларка университета Бригама Янга (Прово, США)

обслуживающих международную гражданскую авиацию, борьба против захвата заложников, физическая защита ядерных материалов, предотвращение преступлений и против лиц, пользующихся международной защитой, включая дипломатических агентов, и наказание за такие преступления и т. д. Кроме того, и Совет безопасности, и Генеральная ассамблея ООН принимали меры, направленные против терроризма.

Наиболее поразительной чертой этих антитеррористических мер является та последовательность, с которой они подчеркивают, что предпринимаемые действия должны согласовываться с требованиями соблюдения прав человека. Так, Резолюция Совета безопасности ООН № 1368 от 12 сентября 2001 г. подчеркивает, что Совет безопасности будет «противостоять всем формам терроризма в соответствии со своими обязанностями согласно Уставу Объединенных наций». Говоря о проблемах предоставления убежища и статуса беженца, резолюция 1373 Совета безопасности подчеркивает, что государства должны обеспечивать, «в согласии с международным правом, включая международные стандарты прав человека», чтобы этот статус не предоставлялся тем, кто «планировал, содействовал или участвовал в осуществлении террористических актов». Резолюция Генеральной ассамблеи 54/164 от 24 февраля 2000 г. вновь утверждает, что «все меры, направленные против терроризма, должны находиться в строгом соответствии с соответствующими положениями международного права, включая международные стандарты прав человека».

Неотъемлемость права на свободу вероисповедания.

Что требуется для того, чтобы соответствовать международным стандартам прав человека, в особенности, если мы имеем дело с религиозно-мотивированным поведением? Отправная точка - не забывать о том, что свобода совести и вероисповедания является неотъемлемым правом. Это означает, что нельзя игнорировать нормы свободы совести и вероисповедания в чрезвычайных обстоятельствах.

Согласно общепринятым стандартам, даже если законом объявлено чрезвычайное положение, ограничение свободы вероисповедания не допускается. Ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает свободу совести и вероисповедания в качестве неотъемлемого права. Это относительно недавнее нововведение в международном законодательстве о правах человека. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая примерно семнадцатью годами раньше, чем Международный пакт, не указывает свободу вероисповедания в числе неотъемлемых прав. Однако, поскольку все государства-участники Европейской конвенции также присоединились к Международному пакту о гражданских и политических правах, и ст. 15 (1) Европейской конвенции предусматривает ограничение только в том случае, если ограничительные меры, проводимые государством, «не находятся в противоречии с его другими обязательствами в соответствии с международным правом», участники Конвенции не могут ограничивать свободу вероисповедания, поскольку Международным пактом о гражданских и политических правах им запрещено это делать.

Неотъемлемый характер религиозных прав не означает недопустимости любых ограничений свободы вероисповедания в чрезвычайной ситуации. Скорее смысл в том, чтобы подчеркнуть, что даже в такой чрезвычайной ситуации свобода совести подлежит защите за исключением весьма ограниченного круга обстоятельств, в которых ограничительные положения международных документов допускают ограничения религиозной свободы.

Ограничительные положения.

Ст. 18.3 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 9.2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод признают, что

подвергаться ограничению могут только «выражения» религии или убеждений. Это так называемые «ограничительные положения», которые определяют узкий спектр обстоятельств, в которых свобода совести и вероисповедания может быть ограничена. Недопустимо наложение санкций на простое следование или принятие религиозных убеждений. Это так называемая защита «внутреннего форума». Тот факт, что некто является мусульманином или ваххабитом по убеждениям без какого-либо последующего незаконного выражения этих убеждений, не является допустимым основанием для применения ограничений религиозной свободы такого лица.

Что касается выражения убеждений, то ограничительные положения перечисляют обстоятельства, при которых свобода вероисповедания может быть ограничена в соответствии с Международным пактом и Европейской конвенцией. Чтобы удовлетворить этим положениям, ограничение на выражение религиозных убеждений (например, применение уголовных санкций или ограничений к лицам, участвующим в религиозно мотивированной террористической деятельности) должно пройти три теста. Допустимое ограничение должно быть:

- 1) предусмотрено законом;
- 2) «необходимо» (МП) или «необходимо в демократическом обществе» (ЕК);
- 3) защищать общественную безопасность, порядок, здоровье или нравственность или фундаментальные права и свободы других лиц.

Эти три ограничения, вместе взятые, представляют собой «ограничительные положения» соответствующих статей о религиозной свободе Международного пакта и Европейской конвенции. Они в наиболее общем виде представляют собой современный подход к сфере свободы совести и вероисповедания. Мы рассмотрим каждое из этих ограничений по очереди.

Предусмотрено законом. При применении антитеррористических мер этому требованию относительно легко удовлетворить. Оно всего лишь требует, чтобы существовало формальное законодательство или иное формальное признание правила, которое согласуется с правом, запрещающим определенные виды поведения. В то время как антитеррористические меры без труда удовлетворяют этому требованию, важно отметить, что одного лишь бюрократического каприза недостаточно для того, чтобы пройти этот первый порог ограничительных положений. Другие две ступени, однако, гораздо более сложны для прохождения.

Законные цели. Третьему набору критериев несколько сложнее удовлетворить, однако для антитеррористических мер и это не должно стать проблемой, то есть практически во всех случаях целью, преследуемой такими мерами, будет охрана «общественного порядка, безопасности, здоровья, нравственности или фундаментальных прав и свобод других лиц». Заметим, однако, что обобщенные утверждения о наличии чрезвычайной ситуации или угрозы национальной безопасности сами по себе недостаточны для того, чтобы соответствовать этим категориям. Комиссия по правам человека ООН в своем подробном комментарии 22(48), дающем официальное толкование ст. 18, недвусмысленно пояснила, что «П. 3 ст. 18 должен толковаться жестко: недопустимы ограничения на основаниях, не перечисленных здесь, даже если они допустимы в качестве оснований для ограничения других прав, гарантированных Пактом, таких как национальная безопасность».

Разумеется, конкретные обстоятельства террористической угрозы национальной безопасности могут подвергнуть опасности одну из перечисленных законных целей, однако это должна быть действительная физическая угроза конкретным лицам или группам лиц. Так, неопределенное ощущение опасности не является достаточно ясной и неизбежной угрозой, чтобы пройти тест на «общественную безопасность». Аналогичным образом, «общественный порядок» может быть упомянут в качестве узаконивающего основания только в том случае,

если имеет место угроза реального физического беспорядка и беспокойств. То есть, понятие **общественного порядка** должно толковаться в узком смысле слова. Его нельзя смешивать с аналогичным по звучанию французским юридическим термином *l'ordre public*, часто используемым в гражданском, административном и частном международном праве и относящимся к основополагающей общественной политике того или иного общества. Тот факт, что некая группа придерживается позиции, не совпадающей с общепринятой общественной политикой, сам по себе не угрожает «общественному порядку» в этом смысле, коль скоро отсутствует угроза реальных физических беспорядков. Угрозы нравственности должны быть конкретными угрозами общепринятым ценностям, отражающим спектр воззрений, согласующихся с плюрализмом в рамках данного общества.

Меры, направленные на предотвращение взрывов или других нападений на граждан, по всей очевидности, направлены на защиту общественного порядка, безопасности, разделяемых обществом нравственных ценностей, осуждающих насилие, и прав третьих лиц. Законы же, направленные на исключение определенных групп, которые своими характерными убеждениями заставляют нервничать другие группы, к таким мерам не относятся.

Необходимость. В большинстве случаев силу ограничительным положения придает именно пункт о «необходимости». Пункт 8 Общего комментария Комиссии ООН по правам человека к ст.18 подчеркивает строгость требования о необходимости:

«При истолковании круга допустимых ограничительных положений, государства-участники должны исходить из необходимости защиты прав, гарантированных Пактом, включая право на равенство и свободу от дискриминации... Налагаемые ограничения ... не должны применяться таким образом, который бы нарушал права, гарантированные в ст. 18.... Ограничения могут налагаться лишь в таких целях, для которых они предписаны и должны прямо относиться и быть соразмерными конкретным нуждам, для которых они предназначены.

Ограничения не могут налагаться в целях дискриминации или применяться дискриминационным образом».

Именно этой части ограничительных положений не удовлетворяет большинство ограничений, накладываемых поправками к закону о религии. Даже если положения, такие, в частности, как требования о минимальном членстве или требование сертификации мусульман, обосновываются необходимостью защиты общественного порядка или безопасности, этого недостаточно. Они, как объяснялось выше, должны удовлетворять независимому требованию «необходимости».

Как указывает комментарий Комиссии ООН, ограничение может являться «необходимым» в нескольких отношениях. Наиболее очевидное из них - ограничение может не быть необходимым в том смысле, что цель государства может быть достигнута каким-либо альтернативным путем, который в меньшей степени ущемляет право граждан на религиозную свободу. Тот факт, что другие демократические общества вполне удовлетворительно обходятся без ограничений, может указывать на то, что данное ограничение не является «необходимым». Ограничение также может не являться «необходимым» в том смысле, что требование может быть истолковано более узко, так чтобы сократить число лиц, на правах которых оно может отрицательно сказаться. Наконец, оно может не быть необходимым в том смысле, что оно является неоправданно жестким или несоразмерным. Антитеррористические меры в целом удовлетворяют данным требованиям, однако только тогда, когда они тщательно разработаны таким образом, чтобы не быть слишком широкими, неясными, и если посягательства на личные свободы строго необходимы для предотвращения угрозы терроризма.

Типичные проблемы применения антитеррористических мер

Избыточно строгое законодательство о регистрации. Одним из типичных подходов к проблеме религиозного терроризма, используемых в настоящее время, например, в недавно принятом казахстанском законе о религии, является избыточно строгое законодательство о регистрации. Проблематичными являются две вариации на эту тему. Первая устанавливает неоправданно высокий минимальный порог членства в религиозной организации. В отличие от требования российского закона о минимальном количестве членов в 10 человек, казахстанский закон требует минимума в 50 членов. Это весьма проблематично для небольших организаций конгрегационалистского типа. (Некоторые религии придерживаются в своем богословии принципа организации в качестве отдельной общины, а не совокупности связанных между собой общин.)

Другой тип ограничений - передача одной религиозной группе (например, признанному государством духовному управлению мусульман) права определять, какие мусульманские группы являются законными и должны быть признаны государством. Это часто выглядит так, как если бы, например, на католиков была возложена задача определять, можно ли предоставить баптистам или Свидетелям Иеговы право юридического лица. Оба этих подхода накладывают непозволительные ограничения на религиозные группы. Предположительно преследуемые цели - сокращение угрозы терроризма - законны сами по себе, но средства, используемые для их достижения, не являются строго необходимыми. Они фактически наказывают законно действующие религиозные группы за риск террористического поведения в обществе.

Затруднения, чинимые мелким религиозным группам, будь-то христианским или мусульманским, при регистрации, могут просто-напросто загнать в подполье действительно опасные группы, в результате затруднив наблюдение за их деятельностью и в то же время возложив ненужное бремя на религиозную свободу законопослушных и законно действующих групп. Кроме того, существует немало свидетельств тому, что дискриминация в отношении законных групп в действительности может усугубить проблему, которую предположительно призваны разрешить данные ограничения, в результате отчуждения и радикализации в целом мирных групп в среде населения. Более совершенное законодательство должно предусматривать санкции за опасное поведение как таковое, включая санкции для его пособников и сторонников, а не налагать ограничения на целый спектр небольших религиозных групп, большинство из которых не представляет никакой опасности. Такие ограничения также не являются необходимыми в том смысле, что они не прямо направлены на осуществление данной необходимости. Более того, каждое ограничение должно быть конкретным образом обосновано. Даже если какие-либо соображения безопасности подпадают под законные основания для ограничения и подходят под категорию, к примеру, общественного порядка (в строгом смысле), то неясно, каким образом требование минимального членства в 50 человек может быть строго необходимым для разрешения конкретной проблемы безопасности. Вполне достаточной была бы более узконаправленная мера, которая бы решала проблему безопасности, не возлагая бремени на мирные и законопослушные группы (например, закон, предусматривающий уголовное преследование за пособничество и укрывательство террористов). Более широкое требование о минимальном членстве в 50 человек, соответственно, не может быть оправдано в рамках ограничительных положений. Кроме того, такие правила являются примером вопиющей дискриминации по отношению ко всем мелким религиозным группам и, следовательно, являются дискриминационными без необходимости. Такие ограничения вопиющим образом направлены на то, чтобы затруднить деятельность всех небольших религиозных групп. Это очевидным образом не согласуется с духом права на религиозную свободу и

нарушает его. Невозможно утверждать, что подобные меры не являются проявлением дискриминации.

Проблему представляют также и законы, которые пытаются обеспечить контроль над религиозными группами посредством делегирования права их сертификации другим религиозным группам. В дополнение к вышеупомянутым проблемам, они являются внутренне дискриминационными. Более тщательно разработанное и нейтральное законодательство может лучше служить этим потребностям и в меньшей степени затрагивать религиозные чувства верующих.

Неопределенные законы. Неоправданно расширительные законы. Это законы, которые нагадывают ограничения на невинных, равно как и на действительных террористов. Избыточные меры по задержанию, отсутствие судопроизводства и освобождения невинных.

Несовершенные преступления и избыточно раннее уголовное преследование. Избыточный надзор, применение ответственности на слишком ранней стадии.

Криминализация верований группы, а не отдельных деяний. Создание досье на группы. Дискриминационное применение закона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Терроризм стал одной из основных проблем нашего времени. Он противостоит всему, что есть возвышенного и лучшего в религии.

Однако действительность учит нас, что мы стоим перед непрекращающейся угрозой со стороны тех, кто использует религиозные убеждения как прикрытие для несправедливых целей. Отвечая на эту угрозу, мы должны помнить, что здесь необходима особая деликатность. Отказ уважать религиозные убеждения часто лишь усугубляет религиозно мотивированную реакцию. В этом смысле весьма строгие ограничения относительно возможности ограничить право на свободу совести и вероисповедания способны уменьшить влияние одного из основных условий, порождающих терроризм. Большинство религиозных убеждений не опасны - если только их приверженцы не чувствуют себя «загнанными в угол». Многие из проблематичных ограничений на свободу совести и вероисповедания являются стандартными нарушениями принципа верховенства права. Этими замечаниями я надеюсь напомнить всем нам, что в необходимых попытках решить жизненно важную проблему терроризма, мы должны оставаться бдительными в защите права на свободу совести и вероисповедания.

*П.Яроцкий**

ЦЕРКВА В УМОВАХ СЕКУЛЯРНОГО ГУМАНІЗМУ І ЄВРОІНТЕГРАЦІЇ

Глобалізація, євроінтеграція, наближення кордонів об'єднаної Європи з європейським парламентом, європейським судом, а отже і загальновизнаними європейськими цінностями, до України, Білорусі, Росії, стоять в центрі дискусій не лише політичних прихильників і противників цього процесу, а й церковних авторитетів. Що стосується позиції останніх, то тут спостерігаємо досить широкий спектр протилежних і навіть антагоністичних оцінок.

Римсько-католицька церква послідовно виступає за розширення Європейського Союзу на Схід, доводячи, що географічні кордони Європи співпадають з ареалом традиційного поширення християнства. Така позиція пов'язана як з місіонерською

* Провідний науковий співробітник Інституту філософії імені Г.С.Сковороди НАН України, д.філос.н., професор.